

GRIMALDI VIRGINIE

Une belle vie

belle

Flammarion

Виржини Гримальди

Океан на двоих

Роман

Перевод с французского

Letter

BELLES LETTRES

Москва, 2025

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г84

Переводчик НИНА ХОТИНСКАЯ
Редактор ВАЛЕРИЯ ФРИДМАН

Гримальди В.

Г84 Океан на двоих : [роман] / Виржини Гримальди ; Пер. с фр. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-9614-9739-7

Две сестры. Два непохожих характера. Одно прошлое, полное боли и радости.

Спустя пять лет молчания Эмма и Агата встречаются в доме любимой бабушки Мимы, который вскоре перейдет к новым владельцам. Здесь, в сердце Страны Басков, где они в детстве проводили беззаботные летние каникулы, сестрам предстоит разобраться в воспоминаниях и залечить душевные раны.

«Океан на двоих» — проникновенный роман о силе сестринской любви, которая может выдержать даже самые тяжелые испытания. Одна из лучших современных писательниц Франции Виржини Гримальди с присущим ей мастерством и юмором раскрывает сложные темы взаимоотношений в семье и потери близких. Эта красивая история заставит смеяться и плакать, сопереживать героям и размышлять о том, что делает жизнь по-настоящему прекрасной.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-9739-7 (рус.)
ISBN 978-2-0804-2371-9 (фр.)

«Ma sœur» (Clara Luciani, Ambroise Willaume)
© SONY Music Publishing / Sage Music, 2019
© Éditions Flammarion, Paris, 2023
© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

Дорогие читательницы
и читатели,
Вверяю вам Эмму и Агату
в Стране Басков посреди лета.
Желаю вам приятного чтения
(и прекрасной жизни).
С дружескими пожеланиями,
Виржини Гримальди

Словно невидимой цепью
Связаны наши запястья
С той минуты, как мы родились.
И если ты тонешь, я тоже тоню.
Но нет, я слишком люблю жизнь,
Чтобы дать нам пойти ко дну.

Клара Лучани. *Ma sœur**

* «Моя сестра» (фр.) — сингл Клары Лучани из дополненного альбома «Sainte-Victoire» (2020). — Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

Моей сестре

Тогда
Апрель, 1985
Эмма — 5 лет

Сегодня утром у меня родилась сестра. Она страшненькая.

Вся красная и в полосочку.

Папа спрашивает, рада ли я, я говорю нет. Я не рада. Я ее не хочу. Надеюсь, что они оставят ее в больнице.

Я не дам ей мои игрушки.

Но мне очень нравится ее игрушка-сплюшка.

Сейчас
5 августа
Эмма

14:32

Ворота не заперты. Они скрипят, когда я их толкаю, словно упрекают меня, что так долго не приезжала. Белая краска местами облупилась, и проступил исконный черный цвет. После того как Миму ограбили, я настояла, чтобы она повесила замок, установила сигнализацию и несколько датчиков движения вокруг дома. Она перепробовала все отговорки: «кот включит сигнализацию», «я не смогу открывать окна», «меся Малуга ограбили, а сигнализация не сработала», «это слишком дорого», «все равно у меня нечего красть», «оставь меня в покое, Эмма, ты упрямая в отца».

Я приехала первая. Ставни закрыты, сорная трава прорастает между плитами террасы, помидорные кусты гнутся под тяжестью плодов. Мима высадила рассаду в день моего рождения и сразу позвонила мне, ругалась, что земля забилась под ногти и не отчищается.

«Я посадила “бычье сердце”, знаю, что ты его любишь, — сказала она. — Сделаю тебе вкусный салат, когда приедешь».

Рядом с «бычьим сердцем» растут помидоры черри, Агадины любимые. Я срываю один, обтираю о рубашку и вонзаю в него зубы. Кожица лопается, мякоть брызжет на губы, кисловатый сок с семечками растекается по языку, и сразу врываются воспоминания из детства.

— Ты уже здесь?

От голоса Агаты я вздрагиваю. Я не слышала, как она подошла. Она обнимает меня, но мои руки опущены. В нашей семье обычно скупятся на проявления чувств. Только не сестра. Она бегло говорит на языке нежности, и все чувства у нее наружу.

— Я рада тебя видеть, — говорит она, ослабляя хватку. — После всех этих лет...

Она умолкает, смотрит мне в лицо, и волнение захлестывает меня, когда ее взгляд встречается с моим.

— Я удивилась, получив твое сообщение, — продолжает она. — Идея супер. Я слышала, что дом Мимы продают, но это неудивительно, ты же знаешь нашего дорогого дядю. Этот тип до сих пор спрашивает про двадцать сантимов, которые я у него заняла, когда мне было восемь лет, я уверена, что в прошлой жизни он был паркоматом.

— Вот почему у него квадратная голова.

— Ага. Если нажмешь на нос, он выдаст талон на парковку. Ну что, открываем дом?

Я иду за ней к двери. Солнечный свет плещется в ее светлых волосах — и в них проблескивают седые нити. От этих свидетелей времени у меня щемит сердце. Когда сестренка была перед глазами каждый день, она не менялась. Но теперь с последней нашей встречи прошло пять лет, и Агата вдруг стала взрослой.

— Не знаю, куда я задевала ключ.

Она вытряхивает сумку на коврик, длинный бронзовый ключ лежит среди пачек жвачки и сигарет.

— Вот он!

Мне бы хотелось, чтобы его там не было. Чтобы мы не смогли войти и ушли, отказавшись от этой затеи. Мне бы хотелось никогда не предлагать сестре приехать сюда в последний раз, пока дом еще не принадлежит другим людям, и провести здесь отпуск, как раньше, в детстве, каникулы. Хотелось бы так и не узнать, каково это — открыть дверь и не услышать голоса бабушки, требующей разуться.

Тогда
Сентябрь, 1986
Эмма — 6 лет

Агата опять обкакалась в ванне. Ее какашки плавают вокруг меня. Мама кричит и вытаскивает ее из воды. Она часто кричит с тех пор, как появилась Агата.

Когда папа приходит с работы, мама рассказывает ему, что случилось. Он смеется, и она смеется тоже. А я ласкаюсь к ним.

Завтра я пойду в школу. Надеюсь, попаду в один класс с Сесиль, а не с Марго. Она такая воображуля со своими длинными волосами, и еще она сказала мне, что я дура, раз не умею кататься на двухколесном велосипеде.

Я тоже хочу длинные волосы, но мама не разрешает. Она говорит, что слишком трудно их мыть, потому что у меня кудри. Она коротко стрижет их большими оранжевыми ножницами. Когда я вырасту, у меня будут длинные волосы, как у Марго.

Сейчас
5 августа
Агата

14:35

Не успела я ступить в дом, как заревела сигнализация. Слезы от этого сразу высохли. Эмма подпрыгнула, как попкорн на сковородке, и заткнула пальцами уши. Надо запомнить на будущее: если соберусь кого-то грабить, не стоит звать сестру в напарницы.

Я набираю код. Мима сказала мне его, когда ее положили в больницу, чтобы я приходила кормить кота.

8085.

Годы рождения двух ее внучек.

Я открываю ставни внизу, Эмма наверху. Я поднимаюсь в спальню Мимы и нахожу сестру застывшей у комода. Шкатулка для украшений открыта и пуста. Эмма качает головой:

— Очевидно, паркомат вспомнил, что у него есть мать.

— Дорого бы я заплатила, чтобы увидеть его рожу, когда он узнает, что бóльшая часть драгоценностей — бижутерия.

— Он знает, что мы здесь?

— Нет. Я не говорила с ним с похорон.

Повисает молчание. Я произнесла слово-табу. Эмма не приехала на похороны Мимы. Якобы школьная экскурсия, которую она никак не могла отменить. Я плохо себе представляю, какая достопримечательность может быть важнее прощания с бабушкой, но меня она бы все равно не послушала.

Мы спускаемся в гостиную. На деревянном столике, застеленном клеенкой, лежит телепрограмма, открытая на пятнице, 27 мая. В корзинке — сморщенные яблоки.

«Забери себе сыр и фрукты, — сказала мне Мима, когда я пришла к ней в больницу. — Боюсь, я здесь надолго, все пропадет».

Я отказалась, из суеверия. Ей становилось лучше с каждым днем, и врачи надеялись.

«Думаешь, я буду есть твой гадкий сыр? — сказала я. — Ты можешь истребить целый город, всего лишь открыв холодильник. Не знаю, зачем замораживаются производством атомных бомб, если есть камамбер».

Она засмеялась, и я продолжила:

«Как, по-твоему, ты потеряла все зубы? Это не от возраста, Мима, это от запаха».

Сиделка принесла обед, Мима улыбнулась при виде ломтика безвкусного сыра, завернутого в целлофан, я поцеловала ее в лоб и пообещала прийти завтра. В 4:56 утра новый инсульт, сильнее предыдущих, унес все наши завтра.

Эмма открывает холодильник:

— Надо сходить в магазин.

— Можно и завтра, правда? Мне больше хочется на пляж. Такая суперская погода, надо пользоваться, здесь это не бывает надолго.

Ей не надо меня уговаривать, я сама все понимаю по ее взгляду. Она усаживается за стол и начинает составлять список. Медовый месяц продолжался считанные минуты, вернулась рутина, как будто мы расстались вчера.

— Что ты ешь на завтрак?

— Кофе, — отвечаю я, пытаюсь скрыть разочарование.

Она записывает. У нее очень короткая стрижка, и в профиль она вылитая мама. Я раньше не замечала, что Эмма так на нее похожа. Я, говорят, все взяла от отца, особенно нос. Не уверена, что благодарна ему за это, я даже хотела подправить нос у хирурга, но в конце концов оставила как есть, он еще может пригодиться. Если, например, однажды я буду плыть на моторной лодке и руль откажет.

— Может, приготовить телятину на ужин? — предлагает Эмма.

— Я вегетарианка.

— С каких пор?

— Года два или три.

— А. Но курицу ты все-таки ешь?

— Нет, но ты можешь взять для себя.

— Да нет, бог с ней. Будем есть рыбу.

— Ее я тоже не ем.
— Да чем же ты питаешься? Зерном?
— Исключительно зерном, да. Надо мне быть осторожней, кстати, я заметила странную вещь. Смотри.
Я подхожу к ней и задираю рукав футболки.
— Я ничего не вижу, — говорит она.
— Вот же, смотри лучше. Не видишь?
— Нет.
— У меня пробиваются перья. А на днях я снесла яйцо.

Закатив глаза, она возвращается к списку, стараясь не рассмеяться, но, несмотря на все ее усилия, я вижу, как она сдерживается.

*Тогда
Ноябрь, 1986
Агата — 1,5 года*

Нет.

Сейчас
5 августа
Эмма

15:10

В супермаркете почти пусто. Только несколько стариков пришли воспользоваться прохладой, источаемой полками-холодильниками. Все остальные на пляже. Я представляю себе полотенца впритык друг к другу, песок, летящий в глаза из-под ног детей, тревожные крики родителей, смех со всех сторон, изнуряющую жару. Не нахожу больше никакой прелести в волнах, в которые ныряла в детстве, в горячем песке, который топтала в отрочестве. Раньше я считала дни, отделявшие меня от очередной встречи с океаном, и каждый раз он казался мне прекраснее, чем был, когда мы расстались, но теперь я могу представить остаток своих дней без него. Я не начала его ненавидеть, все еще хуже. Он перестал быть чем-то обязательным для меня.

— Схожу за туалетной бумагой, — сообщает Агата, удаляясь.

Я вычеркиваю бумагу из списка. Я поделила его на секции: сначала крупы и макароны, потом овощи и под конец замороженные продукты.

Сестра возвращается, нагруженная товарами, и ни один не похож на туалетную бумагу.

— Я нашла бриоши с кусочками шоколада! Ты помнишь Мимины?

— Агата, мы составили список...

— Ты составила список, — возражает она. — И ты настояла, чтобы мы распланировали меню на неделю.

Я не отвечаю. Мы вместе всего несколько часов, а придется пробыть семь дней. Поводов для ссоры будет предостаточно.

Она открывает пакет и отламывает кусок бриоши.

— Хочешь?

Она ждет, что я откажусь. А я беру кусок и запихиваю в рот. Чтобы она не подумала — еще и она, — что я психоригидная.

Это любимое оружие Алекса, к которому он прибегает, когда я упрекаю его в отсутствии инициативы.

«Ты стоишь у меня над душой, когда я загружаю посудомойку, ты всегда в претензии, когда я готовлю еду, тебе не нравится, куда бы я ни предложил пойти. Все, что я делаю, не катит, так что я уже просто боюсь что-либо делать».

Возразить нечего. И если честно, доля правды в этом есть.

Мне долго нравилось то, как он живет, как со спокойной силой наблюдает мир, его способность плыть

по течению, довольствуясь тем, что жизнь может дать. Он был безмятежностью, которой у меня не было, и я могла жить с ней, только если она не ощущалась. Я ухватила за него, чтобы он оторвал меня от детства. Я спрятала свои тревоги в его крепком теле, укрылась в его больших руках, которых хватало, чтобы обнять меня целиком.

Но время искажает достоинства, превращая их в недостатки.

Агата закрывает пакет с бриошами и адресует мне дерзкую улыбку.

— Пойду возьму чипсов, думаю, ты не внесла их в свой список.

Я смотрю ей вслед, пока она идет к нужной секции; уж конечно, я не стала ее предупреждать, что у нее под носом шоколадные усы.

Тогда
Декабрь, 1987
Эмма — 7 лет

Мы встречали Рождество у Мимы и дедули. С нами были дядя Жан-Ив и кузены Лоран и Жером. Мы, дети, ночевали вчетвером в спальне внизу, было весело, Агата из-за насморка всхрапывала, точь-в-точь как папина газонокосилка. Когда мы встали, даже пипи не сделали, сразу отправились к елке — посмотреть, приходил ли Санта.

В школе Марго говорила мне, что его нет, а я говорила — есть, но учительница сказала, Марго права. Я проплакала всю перемену. Вечером папа сказал, что мне наплели глупостей, но я уже не знала, кто говорит правду, и опять заплакала. Папа велел мне сидеть в своей комнате, и тогда он докажет, что Санта есть, только я должна обещать не открывать дверь. Я поклялась и высморкалась в рукав.

Прошло немного времени, и папа заговорил со мной через дверь. Он был с Сантой, но мне нельзя было его видеть, а только слышать. Мне стало щекотно в животе. Низкий голос сказал: «Ого-го, Эмма, я Санта, я пришел сказать тебе, что я есть и скоро принесу подарки тебе и твоей сестренке.

Ты хорошо себя вела в этом году?» Я ответила: «Да», хотя один раз стащила жареную картошку из Агатиной тарелки. Санта, наверное, все видит, но уж очень она была вкусная.

Он пробыл недолго, но ничего, зато теперь я знаю, что он есть. Я обещала не рассказывать про него в школе, но все-таки сказала Сесиль и еще немножко Марго, Оливье, Кумбе, Наташе и Венсану, потому что он в меня влюблен.

Подарки были под елкой, но дедуля и родители еще спали. Проснулась только Мима, и пришлось ждать, пока встанут все. Она приготовила нам горячее молоко и бриоши с кусочками шоколада.

Я получила плюшевого малыши-прыгуша Попплс и, главное, электронную игру «Волшебный диктант». Я играла весь день, даже пришлось менять батарейки! Вот и доказательство, что Санта есть, ведь я именно об этом просила в письме, которое мама ему послала. Марго просто врушка.

Агата получила куклу Тинни, которая делает пипи (фу!), и светлячка. Это плюшевая игрушка, но у нее в голове загорается свет, если нажать на живот. Наверное, нам больше не придется спать со светом в коридоре, потому что я больше не могу. Я знаю, что иначе она закатывает истерики, но мне это мешает спать, хоть я и не раздуваю из этого историю. Моя сестра иногда бывает милая, но все-таки было легче, пока она не появилась. Это я тоже написала в письме Санте, но он, видно, не понял, что я хотела сказать.

Тогда
Декабрь, 1987
Агата — 2,5 года

Не хочу баиньки.

Сейчас
5 августа
Агата

16:01

Автоматические двери раздвигаются, впуская жару. Тележка полна, покупки в пластиковых пакетах рассортированы по категориям. Подозреваю, что она их раскладывает по алфавиту.

— Теперь, когда мы сделали твое любимое дело, перейдем к моему?

— Какому?

— Пойдем на пляж!

Эмма закатывает глаза. Она знает, что я не отстану: у меня невероятный талант добиваться своего измором. Так меня взяли на работу, так я получила свою квартиру. Из-за этого сбежал Матье. Придурок. В кои-то веки я планировала долгосрочные отношения, а парень смылся до конца испытательного срока.

— Тебя не затруднит мне помочь?

Эмма ловко загрузила багажник машины, словно заполнила экран тетриса. Я беру тележку и везу на место,

задаваясь вопросом, хорошая ли это в конечном счете идея — провести неделю вместе.

Не могу сказать, что я разлюбила сестру. Именно она, вне всякого сомнения, занимает больше всего места в моем сердце, с тех пор как Мима нас подвела. Но я убеждена, и глубоко это прочувствовала, что можно любить человека и вместе с тем на дух его не переносить. То же самое у меня с репчатым луком.

Иногда я думаю: не будь мы связаны кровными узами, я бы ее терпеть не могла. А все, что у нас теперь общее, — это наши воспоминания.

— Ладно, — говорит она, включая зажигание. — Но поедem на пляж «Чертог любви».

Я бы предпочла «Пляж кавалеров», менее популярный у туристов, ну да ладно. Мы обе идем на уступки и обе довольны. Эмма ведет машину, вглядываясь в горизонт. Ее хмурое лицо озаряет широкая улыбка, когда она понимает, что я на нее смотрю. Я тоже улыбаюсь. Надеюсь, что мы, повзрослевшие, с такими разными жизнями, по-прежнему настоящие сестры — сестры Делорм.

16:20

В доме Мимы нас ждет делегация. Наш дорогой дядя Жан-Ив, он же паркомат, и его жена Женестьева сидят за столом.

Они смотрят, как мы входим, нагруженные, но и бровью не ведут.

В нашей семье с этикетом не шутят, а он предполагает, что младший должен первым приветствовать старшего. Такую науку глотают не жуя и прилежно применяют всю жизнь, не подвергая сомнению.

— Здравствуй, дядя, — говорю я и наклоняюсь, чтобы его поцеловать.

— Привет, девочки. Эмма, сколько лет, сколько зим.

Сестра тоже чмокает его, бормоча:

— Я не смогла приехать на похороны, я не планировала... Боялась, что... Мне очень жаль...

Ее извинения бессмысленны, никто не планирует таких вещей. Женевьева спасает ее, сама того не желая:

— Мы получили сообщение о сработавшей сигнализации. Мы не знали, что вы собирались заехать.

— Нам захотелось побывать здесь в последний раз, — отвечает Эмма. — Пока дом не продан.

— У вас были ключи? — спрашивает Жан-Ив.

— Нет, мы спустились в печную трубу, — отвечаю я. — Вы не заметили наших оленей с санями у ворот?

Сестра опускает голову, сдерживая смех.

— Могли бы предупредить, — фыркает паркомат. — Мы испугались, что это ограбление.

— Мы думали, можем приезжать в дом Мимы, когда захотим, — возражаю я.

— Это больше не дом Мимы.

Последняя фраза Жан-Ива как сухой щелчок, даже он сам, кажется, удивлен. Впрочем, у него всегда

удивленный вид с его бровями домиком. Надо полагать, они сделались такими, когда он узнал на уроке анатомии, что в других черепах содержатся мозги. Для него, бедняги, это, наверное, был шок.

— Вы, конечно, можете остаться, — сбавляет обороты Женестьева. — Только смотрите, не попортите дом, покупатель может вычесть расходы на ремонт. Грузчики будут выносить мебель на следующей неделе, до тех пор все должно оставаться на своих местах.

Я поворачиваюсь к сестре:

— Думаешь, придется на завтра все отменить?

Крючок виден невооруженным глазом, но дядя клюет на него не раздумывая.

— Что вы планировали?

Я пожимаю плечами:

— О, ничего такого страшного, просто съемки порнофильма.

Эмма кусает губы. Женестьева смотрит на меня с сочувствием:

— Мы вам не враги, девочки. Мы всегда были с вами, делали все, чтобы вам помочь.

Мне больше не смешно. Я еле сдерживаюсь, чтобы не высказать им в лицо, как они нам помогли. Это не заняло бы много времени, одним словом — никак. Мы им не племянницы, мы камешек в ботинке, зеркало их вины. Неприглядное отражение, что и говорить, легче рассказывать себе совсем другую историю. Поведение, в сущности, довольно банальное — исказить истину,

чтобы она лучше легла в общую картину, тешить себя ложью, пока в нее искренне не поверишь.

— Сколько времени вы рассчитываете здесь пробыть? — спрашивает Жан-Ив.

— Неделю, — сообщает Эмма.

Паркомат и его жена вопросительно переглядываются и с видом «мы хотим, чтобы вы знали, насколько мы великодушны, но при этом не поняли, что мы хотим, чтобы вы это знали» милостиво разрешают нам провести последнюю неделю в доме нашей бабушки.

Тогда
Апрель, 1988
Эмма — 8 лет

Папа с мамой поссорились. Мы обедали у Рулье, папиных друзей, и вдруг мама встала и сказала: «Мы уходим», а ведь на десерт была шоколадная шарлотка. Папа что-то тихо говорил, Агата плакала, я надулась, но ничего не поделаешь, мы ушли. В «Рено-5» все молчали, кроме радио. Когда сообщили, что умер Пьер Депрож*, папа сказал нехорошее слово, я побоялась спросить, кто он такой, наверное, его друг.

Дома нам велели сразу идти спать. Даже не дали почистить зубы, это в первый раз! Родители закрылись в кухне, но мы слышали из нашей комнаты, как они кричали. Агата испугалась, она не выносит, когда кричат. А я больше боялась, что они разведутся. Так было с родителями Марго, и теперь она видит своего папу только на каникулах, и у нее есть полубрат (не помню, как правильно говорить). Я хочу, чтобы у меня остался папа и только одна сестра, спасибо.

* Пьер Депрож (1939–1988) — французский комик.